

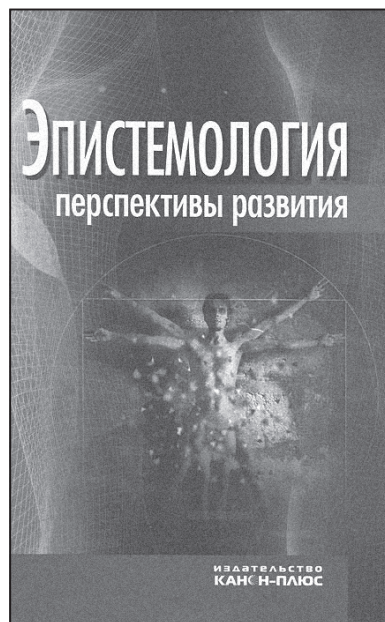

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

(по следам чтения книги «Эпистемология: перспективы развития»)

В.М. РОЗИН

Книгу я прочел с большим интересом, и стоит признать, что вышла она очень ко времени. Дело в

том, что, как правильно отмечает в предисловии ее ответственный редактор В.А. Лекторский, в настоящее время возникала «необходимость нового понимания и переформулирования ряда эпистемологических проблем, установления новых отношений со специальными науками, в том числе с науками, изучающими познавательные процессы»¹. Образуя саму суть философии, поскольку последняя всегда устанавливалась посредством новых трактовок познания и мышления, эпистемология не может не реагировать на новую ситуацию в философии и науке. С одной стороны, для них характерен глубокий кризис, с другой – не менее впечатляющий подъем и развитие. Именно то и другое одновременно. Все это заставляет задуматься и обратиться к осмыслению эпистемологии. Противоположные позиции характерны и для статей книги,

¹ Лекторский В.А. Предисловие // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 3.

собственно говоря, именно по этому отношению можно начать продумывать ее содержание. Первую оппозицию можно обозначить следующим образом.

Эпистемология – самостоятельная философская дисциплина или раздел других дисциплин? Кроме того, это вопросы о *целом и методе*. Например, являются ли знание и познание самостоятельными объектами философской мысли или они всего лишь аспекты, стороны, подсистемы других более сложных объектов – воспроизводящей деятельности (см. статью М.А. Розова), языка в широком понимании (Н.С. Автономова, И.П. Фарман), социогуманитарных образований (И.Т. Касавин, Л.А. Маркова), когнитивных процессов (Е.Н. Князева), жизненного мира в феноменологическом истолковании (Н.С. Смирнова), сознания и мозга, рассматриваемых в рамках информационного подхода (Д.И. Дубровский).

Если первое понимание эпистемологии, которое характерно для самого Лекторского, но также для Е.Л. Чертковой, Е.А. Мамчур, Н.Т. Абрамовой, не предполагает редукцию познания и знания к другим, так сказать, «внеэпистемологическим объектам», то второе предполагает такую редукцию или, точнее, реконструкцию познания и знания в рамках других философских дисциплин (теории деятельности, аналитической философии, когнитивных наук, феноменологии). С точки зрения представителей второго понимания, познание и знание не являются целым в плане

выявления закономерностей и сущности явления. Проиллюстрирую второе понимание.

«Знание с точки зрения социальной эпистемологии, – пишет Касавин, – не столько отражение внешнего мира, сколько функция культурных архетипов и социального порядка»². В эволюционной эпистемологии, замечает Князева, «существуют две различные программы, или два уровня исследования. Первая программа – это попытка рассмотреть когнитивные механизмы животных и человека, распространяя биологическую теорию эволюции на те структуры живых систем, которые являются биологическими субстратами познания (мозг, нервная система, органы чувств)... Вторая программа – это попытка объяснить человеческую культуру, включая идеи и научные теории, в терминах эволюции, т.е. применяя эволюционные модели из биологической теории»³.

Размышляя над второй программой эволюционной эпистемологии (редукции субстратов познаний к биологической реальности), можно сформулировать еще одну оппозицию.

Познание (знание) – это функция антропологического субстрата (мозга, телесности, действия, сознания), т.е. по сути к ним и сводится, или же нечто принципиально отличное от своего субстрата? Первое понимание имеет большой спектр: от прямых редукций к антропологическому субстрату через физиологические или компьютерные аналогии и метафо-

² Касавин И.Т. Критерии знания: собственно эпистемические или социальные? // Эпистемология: перспективы развития. С. 60.

³ Князева Е.Н. Эволюционная эпистемология: современный взгляд // Там же. С. 65.

ры до предельно абстрактных понятий сознания и действия, опирающихся на феноменологические или информационные теории и метапонятия. Суть одна, имеются в виду индивиды, люди, понимаемые не как обусловленные и сформированные культурой и историей, т.е. более широкими и другими по сущности явлениями – знаками, схемами, коммуникацией, внеиндивидуальной деятельностью, институтами и проч., а как микросмы-субстраты, обладающие константными способностями познания действительности.

С точки зрения второй оппозиции, анализ субстратов (познания и мышления) не позволяет уяснить сущность феноменов, действующих на основе таких субстратов. Поразительно, что многие авторы не замечают, что они строят свои рассуждения и аргументацию фактически на основе обеих трактовок, хотя последние отрицают друг друга. Например, Дубровский, с одной стороны, выступает против физического редукционизма в объяснении сознания и его работы (в том числе, очевидно, и познания), с другой – в решении конкретных проблем, например объяснении самоуправления и самодетерминации, опять все сводит к работе такого субстрата, приписывая ему способность к самоорганизации (поскольку субстрат организуется сам и мы не знаем, почему и как идет процесс самоорганизации, субстрату можно приписать все, что нужно исследователю). В его статье есть совершенно замечательная конструкция – «структур-

но-функциональная подсистема головного мозга, представляющая Я»⁴. Что это, как не редукция психического к физиологическому?

Со своей стороны, замечу, что анализ мозга вкупе с другими антропологическими субстратами (телесностью, чувствами и проч.) не может помочь в понимании сущности таких феноменов, как сознание, мышление или деятельность. Хотя может помочь, если анализируется функционирование феномена в случае серьезных нарушений его субстрата. Помимо антропологических компонентов субстратами сознания и мышления являются знаки, схемы, коммуникация, техника и ряд других образований (другое дело, что все указанные реалии выступают по отношению к сознанию, мышлению и деятельности не только как субстраты, но и как условия и факторы).

Третья оппозиция такая: *междисциплинарные или трансдисциплинарные исследования познания и знания, предполагающие соединение прежде несоединимого (то, что М. Фуко называет «диспозитивом»), или по-прежнему стремление к построению гомогенного теоретического дискурса?* Представители когнитивных наук утверждают, что перспективен только первый путь, но с ними не все согласны. Например, контрапунктом категоричным утверждениям Князевой звучат методологические размышления Розова: «Увы, но я не вижу в современной эпистемологии целевой направленности на выявление исходных фундамен-

⁴ Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг. К вопросу о полувековом опыте разработки «трудной проблемы сознания» в аналитической философии // Там же. С. 248.

тальных процессов, направленности на преодоление многоликости за счет выявления простоты. А чрезвычайная многоликость здесь очевидна и бросается в глаза... Но можно ли строить модель познания или науки на базе столь разнородных составляющих? Модель, как мне представляется, должна быть однородной, т.е. создаваться из некоторого числа однотипных элементов и их разнообразных комбинаций»⁵.

Взгляд на эту проблему Розова можно сравнить с высказываниями Фуко, утверждающего прямо противоположное, а именно, что для современной науки характерно именно построение «диспозитивов», т.е. идеальных объектов, принципиально негомогенных, составленных из представлений, заимствованных из разных дисциплин: «Что я пытаюсь ухватить под этим именем, так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и несказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами»⁶.

Понятия дискурса и диспозитива – это как раз такие понятия, которые позволяют «переплывать» с одного берега научной дисциплины на другой, связывать и стяги-

вать разнородный материал, относящийся к разным предметам, наконец, формировать совершенно новые научные дисциплины, например такие, которые выстроил Фуко.

Впрочем, все это не отрицает и методологическую установку Розова, если только речь идет о построении новых идеальных объектов в рамках одного подхода, например в рамках теории деятельности («теории социальных эстафет»), что мы видим в его статье. В то же время нельзя полностью согласиться с когнитивистами, и вовсе не потому, что они фактически строят диспозитивы. Трудно согласиться с тем, как они это делают, не продумывая возможные последствия (противоречия) от неправильных соединений и слабых новых понятий. В этом смысле для когнитивных наук характерен потрясающе низкий уровень методологической культуры.

В качестве еще одной оппозиции я бы указал на оценку состояния дел в современной эпистемологии. *Одна точка зрения – эпистемология переживает глубокий кризис; противоположная – то, что критики опознают как кризисные явления, на самом деле показатели ее подъема и развития.* Если представители первого взгляда указывают на исчезновение в эпистемологических исследованиях традиционных эпистемологических ценностей, то второго утверждают, что так и должно быть, поскольку познание принципиально плюралистично, а объективного мира просто нет в силу принципи-

⁵ Розов М.А. Теория познания как эмпирическая наука // Там же. С. 96.

⁶ Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 368.

ального конструктивизма, хотя есть множество разных реальностей в одинаковой степени истинных.

«Сегодня, однако, – пишет Б.И. Пружинин, – когда утверждение о ненужности эпистемологии даже не формулируется, а ее тысячелетиями работавший концептуальный аппарат просто игнорируется (идея истины, идея рациональности, обоснования, объективности знания и проч.), все это выглядит как действительно радикальная форма ее отрицания. Эпистемологические суждения о современной науке по большей части просто игнорируются как дурной “метанарратив”»⁷.

В контрапункт этому звучат высказывания Л.А. Марковой: «Выход из положения затрудняется двумя главными, на мой взгляд, обстоятельствами. Во-первых, уже невозможно отказаться от полисубъектности как в силу развития самой философии, включая аналитическую (где особенно болезненным был отказ от моносубъектности и монологики), так и в силу процессов, происходящих в естествознании после революции XX века. Во-вторых, сохраняется представление о едином предмете. Один предмет логически несо-

вместим с множеством субъектов. Много субъектов – много истин. Один предмет – возможен только один истинный результат его изучения... чем успешнее разрабатывается тема новой роли субъекта в исследовательском процессе, тем сомнительнее становится значимость истины, понимаемой как соответствие знания предмету, который должен быть максимально освобожден от субъектных характеристик⁸... Доминирующими же становятся полисубъектность, плюрализм, смысл, контекст, наблюдатель, точки неразличимости и др.»⁹

Если продумывать приведенные здесь оппозиции, то нельзя ли сказать, что эпистемология подобно другим философским дисциплинам испытывается на прочность современностью, постмодернистской ситуацией? И пока, к сожалению, не видится, не нащупывается удовлетворяющий нас выход из создавшегося положения. Действительно, на авторов анализируемой книги можно посмотреть как на «локальное эпистемологическое сообщество» (неважно, что здесь они собрались под одной обложкой; на самом деле авторы книги в той или иной степени знают исследования друг друга и даже работа-

⁷ Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации» знания // Там же. С. 192.

⁸ Здесь Маркова, очевидно, сознательно склеивает представление о предмете как объекте и как знании. На мой взгляд, говоря о предмете в первом значении, нужно различать, во-первых, явления природы как вещи в себе по Канту, во-вторых, объективные явления, сложившиеся в культуре не без участия человека (например, любовь, государство и т.п.), в-третьих, идеальные объекты, созданные человеком в философии или науке. Кроме того, важно различать «становление», когда на основе идеальных объектов или схем складываются новые, не существовавшие раньше явления (например, платоническая любовь или «природные процессы в эксперименте») и процессы «функционалирования», в которых воспроизводятся уже сложившиеся явления (например, практикуемая в греческой культуре платоническая любовь или движение спутника в безвоздушном пространстве).

⁹ Маркова Л.А. Смена базовых оснований философии науки // Там же. С. 300, 304–305, 314.

ют в одном месте). Кажется, что тогда должна царить атмосфера взаимопонимания и даже единомыслия. Но мы видим противоположную картину: непонимания и разномыслия.

Спрашивается, почему? Ну, вероятно, потому, что каждый автор – личность, которая много лет шла в философии своим путем. А также потому, что по разным историческим обстоятельствам критика в философии в настоящее время мало эффективна, как правило, ее стараются игнорировать. И потому, что старые нормы и идеалы философского и научного мышления в значительной степени перестали работать. Так или иначе мы плохо понимаем друг друга, а наши представления о действительности разошлись. Кажется, тогда чего проще: будем стараться понять друг друга, расскажем каждый о своей реальности. Но это, оказывается, не решает проблемы. В том числе и потому, что, как я сказал, все мы испытываем давление современности и постмодернизма.

«В постмодернизме, – пишет Г.С. Померанец, – велика роль описательного плана, то есть характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркива-

ются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в “виртуальной” действительности, как в Диснейленде. Карта предшествует территории и создает “территорию”, телевизор формирует общество»¹⁰.

Парадигма постмодернизма неоднозначна и в определенной степени предельна для философского и научного мышления. Кризис традиционной рациональной мысли, новые техники интерпретаций произведений искусства, распрямление реальности в современных гуманитарных и социальных исследованиях, поиски новых подходов и способов мышления – все это способствовало становлению нового мироощущения, где в центр выдвинулись становление и постоянное преодоление традиционной мысли. Но, как верно заметил Померанец, хотя «Новое время кончилось и начался поворот неизвестно куда, эпоха дрейфа, потери и обновления ориентиров», тем не менее «все попытки увековечить современное состояние мира, нынешний стиль восприятия жизни необоснованны»; «история культуры – это история обуздания новых стихий»¹¹.

Итак, недостаточно рассказать о реальности, которая на взгляд того или иного мыслителя существует, поскольку разные философы и ученые показывают и удостоверяют для нас совершенно разные реальности¹². Что же делать? Раньше я думал, что для взаимного пони-

¹⁰ Померанец Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 297.

¹¹ Там же. С. 298.

¹² Тем не менее Лекторский в своей статье старается рассказать о проблемах и реальностях, которые обсуждаются и создаются в эпистемологии.

мания достаточно осознать свои ценности и подход и рассказать о них другим. Если они будут продемонстрированы, считал я, то станет понятным, почему я думаю именно так и что собой представляет реальность, о которой я говорю.

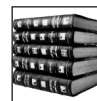
Не отказываясь от указанной стратегии, я все же сегодня понимаю, что она мало эффективна, ведь если другой мыслитель видит все иначе, имеет другую непосредственную реальность, он и мое разъяснение будет считать ошибочным или просто не поймет. Кроме того, современный мыслитель, как правило, занят собой, своей личностью и творчеством. Ему некогда вникать в чужие построения, разбираться в перипетиях познания другого. И дело здесь не в плохом характере или эгоизме, а в духе времени и образе жизни. Мы достаточно разобщены и не включены в общее дело. Вот я, например, много лет двигался самостоятельно, вышел на понимание реальности и мучащих меня проблем, вжился в открытый и отчасти сконструированный мною мир, обустроился в нем, обжил его, он для меня воспринимается как непосредственный и подлинный. Но то я, а другие? Они, во-первых, не присутствовали в моей жизни и не знают ее перипетий. Во-вторых, сами они, точно так же как и я, прошли

свой сложный путь, о котором в свою очередь уже я ничего не знаю.

Кажется, тогда чего проще – нужно рассказать о своем жизненном пути и показать место в нем нашего мышления и познания. Тогда, вероятно, другим станет понятной моя реальность. Ну, примерно так я и делаю. Пытаюсь отразить свои ценности и подход. Рассказываю о своем жизненном пути. Показываю место в нем своего мышления и познания. Возникает ли при этом для других понимание моего мышления и реальности, которую я обнаружил? Трудно сказать, ведь опять же другие заняты собой и не имеют возможности вникать в мои построения и перипетии жизни. Тем не менее пока я не вижу никакого другого пути и способа сделать свои построения понятными¹³. Но вернемся к нашей книге.

Одни авторы (Пружинин, Черткова, Мамчур) видят выход из ситуации кризиса эпистемологии на путях возвращения к исходным принципам традиционной эпистемологии, таких, как *истина, объективность, единство субъекта* и проч., учитывая, однако, что современное познание искажено неадекватным осознанием и утилитарными требованиями, идущими со стороны бизнеса и политики. Другие

¹³ В идеале видится трехуровневая структура современного органа знания. Первый, где осуществляются реальное познание и мышление: решаются задачи, создаются новые знания и представления, причем в разных школах, подходах и отдельными личностями по-разному. В этом смысле на этом уровне действует принцип *многих истин*. На втором, «коммуникационном», уровне происходит, во-первых, рефлексия сложившихся на первом уровне способов и процедур мышления и деятельности, во-вторых, эта рефлексия демонстрируется для других школ, направлений и подходов, в-третьих, идет обсуждение сходства и различия самих целей, задач, подходов, процедур. На третьем уровне рефлексия и коммуникация перетекают в практические общие дела и проекты. Именно здесь устанавливается *единая истина*, естественно, для тех, кто участвует в общих делах и проектах. Тогда лучше говорить не о единой истине, а об истине-консенсусе.

(Автономова, Розов, Смирнова, Князева) по сути намечают *поворот* эпистемологии в новом направлении, т.е. предлагают ее перестроить. Третьи (Н.Т. Абрамова, Черткова) добавляют к этому еще принципы этики. Кажется даже, что некоторые представители эпистемологии возвращаются к истокам новоевропейской философии и науки (вспомним хотя бы Декарта – «мыслью, следовательно, существую, следовательно, существует Бог») и средневековой философии, где вера предполагала разум, а разум веру.

И в моих исследованиях познание выглядит иначе, чем в эпистемологической традиции. Оно существенно обусловлено, во-первых, культурой, на вызовы которой отвечают философия и наука, во-вторых, личностью мыслящего, реализующего свои ценности и видение действительности, в-третьих, предшествующим состоянием знаний, в-четвертых, креативными возможностями познающего (изобретение схем, новых способов рассуждения и доказательства), в-пятых, осмыслением и обоснованием новых построений, в-шестых, процессами коммуникации (непонимания–понимания)¹⁴. Подобно

Лекторскому, я, с одной стороны, стараюсь удержать *предмет* эпистемологии, с другой – осмыслить новые вызовы, стоящие перед этой философской дисциплиной.

«При определенном понимании натурализации эпистемологии, – пишет Лекторский, – она не растворяется в когнитивной науке, а взаимодействует с ней и при этом не теряет нормативного характера, ибо не просто излагает имеющиеся концепции в когнитивных исследованиях, а анализирует их предпосылки и оценивает их... Главное в том, чтобы осознать новые горизонты эпистемологических исследований: расширение поля их приложений, необходимость нового понимания и переформулирования ряда ее проблем, установления новых отношений со специальными науками, в том числе с науками, изучающими познавательные процессы»¹⁵.

Если теперь вернуться к заголовку нашей статьи, то я бы сказал так: авторы книги «Эпистемология: перспективы развития» хотя и признают кризис своей дисциплины, тем не менее намечают перспективы развития эпистемологии и направления выхода из этого кризиса.

¹⁴ Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М. ; Воронеж, 2008.

¹⁵ Лекторский В.А. Цит. соч. С. 49.